

МИЛА
ДУГЛАС

ПРИНЦ-ДРАКОН И ВЕДЬМА С ЗАПАДА

Мила Дуглас

Принц Дракон и ведьма с Запада

«Литнет»

2026

Дуглас М.

Принц Дракон и ведьма с Запада / М. Дуглас — «Литнет», 2026

Я — Белинда. Та самая, чье имя веками шептали в страхе. Пожирательница Снов. Самая опасная ведьма, какую только знало это королевство. А теперь я — пленница в ледяной клетке, игрушка для злобных перепалок с принцем Ксевом, чью жизнь когда-то разрушила. Он прав — я заслужила эту цепь и этот холод. Вот только... это больше не я. Во мне теперь живет обычная девушка из мира, где драконы — всего лишь сказки. И я понятия не имею, как всем этим управлять. Как объяснить, что я не та ведьма, что наложила проклятие? Как выжить в мире, где все, включая красивого, язвительного и смертельно опасного принца, видят во мне только монстра? А ещё между нами — эта связь. Истинная. Она сводит с ума. Связь заставляет его ненавидеть меня ещё сильнее, а меня — чувствовать каждую его эмоцию, как свою. Она соединяет нас в снах и наяву, против нашей воли, стирая границы между палачом и жертвой. Ксев должен меня убить. Я должна его ненавидеть. Но что, если наша связь — это не наказание, а единственный ключ к правде? И единственный шанс для нас обоих? КНИГА ПИШЕТСЯ В РАМКАХ УВЛЕКАТЕЛЬНОГО И ОЧЕНЬ ГОРЯЧЕГО ЛИТМОБА «Злодейки тоже любят»♥♥♥ Эта история о принце драконе может читаться отдельно. Но есть еще горячая предыстория об отношениях с королем Дэрианом (сводный брат) и нашим принце Ксеве — «Невеста-попаданка для двух драконов» Добро пожаловать в Королевство Драго!

© Дуглас М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

День, когда всё пошло по одному месту	5
Глава 1. Пленница в собственной голове	8
Глава 2. Ледяная клетка и язвительный принц	12
Глава 3. Тени прошлого и первая ночь в цепях	17
Глава 4. Испытание болью	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

День, когда всё пошло по одному месту

Мила

Если бы мне кто-то сказал, что мой понедельник закончится в ледяной яме с ведром помоев на голове, я бы посоветовала этому человеку проверить голову. Или хотя бы сменить лекарства, которые он пьет.

Но, как говорится, хочешь рассмешить богов — расскажи им о своих планах.

Всё началось вполне себе обычно. Я сидела в уютной кофейне в центре города, пила свой третий капучино (потому что раф — это для тех, у кого нет проблем с одиноким сердцем и бюджетом) и строила глазки парню напротив. Высокий, темные волосы, легкая небритость и такие зеленые глаза, что хотелось нырнуть в них прямо через столик, даже не допивая кофе.

Звали его, кажется, Макс. Или Марк. Честно, в тот момент меня мало волновало его имя — меня больше заботила ямочка на его подбородке и то, как он улыбался, когда я рассказывала про свою дурацкую работу в маркетинге.

Мы флиртовали уже полчаса. Я крутила локон волос (накрашенных, между прочим, вчера за бешеные деньги), он рассказывал про свою работу, серьезная между прочим, ловит какую-то банду, полицейский, и воздух между нами искрил так, что бармен два раза уронил ложку, поддавшись соблазну присоединиться.

А потом дверь кофейни открылась. И в неё вошла Она...

Беременная. Очень беременная женщина. С таким животом, который аж кричал: «Я ношу под сердцем малыша от этого мужика, с которым ты ведешь милые беседы, дорогуша!» еще до того, как она открыла рот.

— Ах, ты тварина крашенная! — заорала женщина и, кажется, у бармена упала не только ложка, но и обвалилась на голову люстра, хотя она была прикручена намертво.

Макс/Марк побелел так, что ямочка на подбородке превратилась в кратер на Луне.

— Дорогая, это не то, что ты думаешь! — залепетал он.

— Я ничего не думаю. Я собственными глазами вижу, как ты, козлина, забросил меня ради... ради этой проשמандовки. Пока я сижу на КТГ, слушаю стук сердечка нашего ребенка, ты, скотина, сидишь тут и флиртуешь с этой... — женщина перевела на меня взгляд, полный такой лютой ненависти, что мой капучино в одно мгновение закипел. — ...с этой распушенной ведьмой с покрашенными волосами и надутыми губами!

«Черт, кажется, я попала», — мысленно закончила я за неё.

Я вскочила, выставив руки вперед.

— Подождите! Я не знала! Он не говорил, что женат! Тем более что у него такая глубоко беременная жена! Я вообще думала, его зовут Макс, и он... интересуется рекламными акциями!

— Ах, ты, наглая лгуня! — Женщина рванула ко мне с неожиданной для ее положения скоростью.

Я попыталась отступить, но споткнулась о собственную сумку. Или о законы подлости. Или о ту самую люстру, которая всё-таки решила присоединиться к общему угарному веселью.

Женщина толкнула меня в грудь. Очень сильно. Я пошатнулась, запнулась о ножку стола и — бам!

Мир погас. Сознание пропало.

И вот оно, мое сознание, вернулось не ласковым светом и не запахом больничной палаты. Оно вернулось с холодом.

Таким холодом, что я на секунду решила — меня засунули в промышленную морозилку в том же кафе, чтобы мясо не испортилось до приезда полиции.

Я открыла глаза.

Чернота. Абсолютная, беспросветная чернота. Глаза не адаптировались, не привыкали — они просто тонули в этой темноте, как ложка в слишком густом супе.

Я села. Или попыталась это сделать. Всё тело ломило, а подо мной был камень. Холодный, шершавый, явно не настроенный на дружеский контакт.

— Где я? — прошептала я вслух, и эхо ответило мне издевательским смехом, отразившимся от стен раз сто.

Темница. Ледяная яма. Я в ледяной яме.

Это было не то, что я планировала на этот понедельник.

Я задрала голову. Далеко-далеко наверху, в крошечной тьме, виднелось крошечное пятнышко света. Маленькое, как монетка, но такое родное солнышко. Сквозь него пробивался тонкий лучик — единственное напоминание о том, что наверху есть мир, где тепло и где люди не толкают случайных знакомых, пусть даже и в таких ужасных обстоятельствах.

— Эй! — заорала я, вскакивая. Голос сорвался на фальцет. — Есть там кто-нибудь? Это ошибка! Я тут не должна быть! Я вообще маркетолог, хотя какая нафиг разница. Слушайте, я не флиртовала с этим придурком!

Тишина. Только эхо и капающая где-то вода.

Я подпрыгнула, пытаюсь ухватиться за стену, но стена была гладкой, как лакированная туфля, и холодной, как сердце моего бывшего. Я поскользнулась, упала на колени и больно ударилась.

— Черт! Черт! Черт! — зашипела я, потирая ушибленное место и чувствуя, как к глазам подступают слезы.

И в этот момент сверху раздалось какое-то шевеление. Я снова задрала голову, и сердце радостно стало биться.

— Помогите! — закричала я. — Я здесь! Я...

Слова застряли, не долетев до моего рта. Потому что из дыры наверху, из этого единственного лучика надежды, на меня полетело нечто.

Буквально. Огромное, деревянное, вонючее ведро.

Я попыталась отскочить, но ледяная яма — не место для паркура. Я упала и помои из ведра попали мне прямо на голову. Да-да, ведро опрокинулось, и содержимое вылилось на меня с такой щедростью, будто там решили, что я давно не принимала душ.

Запах был... специфический. Действительно помои. Самые настоящие помои. С капустой. С чем-то кислым. И, кажется, с тухлым яйцом.

Я замерла.

По моим волосам (напомню таки, покрашенным, между прочим, за бешеные деньги!) стекала мерзкая жижа. По лицу. По телу. Везде.

Я села прямо в эту лужу, прислонилась спиной к ледяной стене и...

Разрыдалась.

Громко, по-детски, размазывая по щекам не то слезы, не то эту гадость.

Я сидела в темнице, воняло от меня, как от мусорного ведра, которое не выносили лет сто, а наверху, в этом светлом мире, надо мной только что посмеялись. И не просто посмеялись — меня облили отходами жизнедеятельности неизвестных мне существ.

— За что? — прошептала я в темноту. — Я просто хотела кофе. Чуток пофлиртовать, горячего мужика на вечер вместо надоевших сериалов. Не хотела я никого убивать, проклинать или...

— ...выглядеть как падшая женщина?

Голос раздался прямо надо мной.

Я вздрогнула и снова запрокинула голову.

В дыре, откуда прилетело ведро, теперь маячил силуэт. Человеческий. Судя по очертаниям — мужской. И этот мужчина, кажется, надо мной издевался.

— Простите? — пискнула я.

— Я говорю, — лениво протянул голос, в котором слышалась такая усталая, благородная скука, будто он всю жизнь только и делал, что разглядывал девушек в ледяных ямах, — ты и впрямь похожа на ту, что вчера на совете называли «распущенной ведьмой». Но, вижу, процедуры тебе идут на пользу. И пахнет от тебя... хм... оригинально. Сельская идиллия, дорогуша.

Я уставилась в темноту, пытаюсь разглядеть наглеца.

— Вы кто? — выдавила я.

— Я? — В голосе послышалась усмешка. — Я тот, кто сейчас решает, кормить тебя завтра нормальной едой или продолжать поливать помоями. Так что, красавица, советую быть повежливее. И добро пожаловать в твой новый дом. Говорят, отсюда ещё никто не вышел. Но ты, с твоими надутыми губками, возможно, станешь первой. Если, конечно, не замерзнешь до смерти к утру.

Силуэт исчез. Дыра наверху захлопнулась с глухим стуком, и я снова осталась одна в ледяной темноте: вонять помоями и рыдать от бессилия.

И только одна мысль стучала в голове, заглушая страх и отчаяние:

«Боже, я попала в свое любимое фэнтези. В самое дурацкое, вонючее, ледяное фэнтези на свете. И местные мужчины, судя по голосу, те еще... хамы. Интересно, а драконы тут есть?».

 КНИГА ВЫХОДИТ В ЛИТМОБЕ «ЗЛОДЕЙКИ ТОЖЕ ЛЮБЯТ»
 Все истории здесь: <https://litnet.com/shrt/3jzF>

Глава 1. Пленница в собственной голове

Белинда

Сознание возвращалось ударом — резким, тошнотворным, ужасно болезненным, как если бы меня выдернули из глубокого омута и сразу же швырнули на острые камни.

Первым ударил в нос запах.

Плесень. Сырая, вековая, ввевшаяся в камни так глубоко, что, кажется, сам воздух дышал ей. Кровь — старая, ввевшаяся в щели между плитами, её медный привкус чувствовался даже на языке. И ещё я почувствовала...точно, магия. Древняя, тягучая, запретная. От неё свербило в носу и ныли зубы.

Я попыталась открыть глаза и поняла, что они уже открыты. Вокруг — чернота. Абсолютная, непроглядная, какая бывает только в местах, куда солнце не заглядывало столетиями.

— О, Великая Верховная... — прошептала я, и мой голос прозвучал чужим. Высоким. Молодым. Испуганным. — Что произошло?

Испуганным. Как я смогла вернуть себе свое тело? Почему так гудит голова? Так, я села и попыталась вспомнить, что произошло. Я, ведьма Белинда из рода Черных Вересков, легла спать в своей башне, где жила взаперти все эти долгие годы.

Прошло сто лет моего бестелесного существования. Алиенора, моя сестра, драконы, ритуал. Ай, как же голова болит! А где же мой фамильяр? Где моя Редиска? Тело слушалось плохо — оно было... таким странным. Слишком красивым, чтобы быть правдой. Куда я в итоге влезла? Точнее, в кого. Грудь, которая точно будет привлекать взгляды, обворожительно выпирала и легко угадывалась под тонкой тканью платья. Бедра такие стройные...красивые своими изгибами. Настоящая женщина... Не как мое родное тело. Худосочное, одна нога меньше другой. А про формы я тактично промолчу.

— Что за... — выдохнула я, ощупывая себя холодными, совершенно незнакомыми мне, длинными пальцами.

И тут память хлынула. Двумя потоками сразу.

Вспышка. Моё воспоминание.

Я стою в темном углу своей камеры в Башне Покаяния. Сто лет я здесь. Сто лет точила магию о камни, выцарапывала руны на стенах, шептала заклинания в щели между плитами, пытаясь выбраться. Моя крыска Редиска, мой верный фамильяр, приносил мне крошки и слухи. Она ментально передала мне: принц Ксев поймал настоящую Белинду, то есть ту, которой меня все считали. И Белинда, то есть я и как бы не я, хочет воспользоваться девчонкой из другого мира, чтобы убежать из плена драконов. И в этой девчонке — магия. Дикая, необузданная, сильная. Магия эмоций. Поэтому то Белинда ее и выбрала.

Идеальное тело. Молодое. Чужое для этого мира. Никто не будет искать Белинду в оболочке иномирянки да еще и заодно в таком симбиозе магии. Пожирательница снов и владелица эмоций.

В своей башне я начертила круг. Крыса легла в центр, подставив брюшко. Ритуал Обмена требовал жертвы — не смерти, но связи. Мой фамильяр стал мостом между мирами. Я влила в неё свою сущность, свое сознание, и отправилась сквозь миры, туда, где жила та девчонка.

Моя тёмная половина нашла её. Эту девчонку Милу. Сидела она в какой-то кофейне, пила дрянной напиток и строила глазки мужчине.

И тогда я увидела, как моя половина сознания в Белинде, все ее зло, мощная сила ведьмы, сотворила иллюзию. Лучшую в ее жизни.

Беременная жена. Ядовитая, ревнивая, с животом, который показывал уровень падения той девчонки лучше любого открытого обвинения. Она, моя злая половина, вложила в неё всю

свою ненависть к тем, кто отнял ее свободу. Всю злость на драконов, заточивших ее в ледяной яме.

Иллюзия сработала безупречно.

Женщина ворвалась в кофейню. Зазвучали слова, которых эта пигалица, Мила, явно не ожидала услышать в своем уютном мирке. И тут я решилась. То, к чему готовилась все эти годы. Я тоже кое-что умею, темная моя сторона.

И вот — толчок. Падение. Удар.

И я рванула сквозь разрыв. Влетела в тело девушки и...

...И теперь я здесь.

В темноте. В холоде. В сырости.

Но не в Башне Покаяния. Это другое место. Хуже.

Я в подземелье у драконов. Только теперь моя магия и магия моей темной стороны... она не отзывается. Совсем. Вместо нее в венах пульсирует что-то чужое — теплое, живое, непослушное. Магия этой девчонки. Эмоциональная. Дикая. Она дергается в такт моему страху, и от этого страшно вдвойне.

— Нет, нет, нет... — зашептала я, пытаюсь нащупать внутри себя хоть крупницу своей силы. Своей, древней, выкованной веками практики и крови.

Пустота.

Только эта дурацкая, щекочущая, живая энергия, которая, кажется, живет собственной жизнью.

И тогда пришли её воспоминания.

Они хлынули вторым потоком, сметая мои собственные мысли.

Мила. 23 года. Работа в офисе, где пахнет кофе и бумагой. Начальник — идиот. Коллеги — сплетники. Подруги — не надежные.

Мила. 16 лет. Похороны родителей. Дождь. Черные зонты. Какие-то слова утешения. Чувство, что земля уходит из-под ног. Она осталась одна. Совсем одна.

Мила. 8 лет. Мама учит ее печь печенье. Кухня в муке. Смех. Теплые руки, обнимающие за детские плечи.

Мила. Вчера. Кофейня. Мужчина с зелеными глазами. Флирт. Надежда на что-то хорошее. А потом — крик, толчок, темнота.

Я зажала уши ладонями, но это не помогло. Чужие эмоции разъедали меня изнутри. Её боль от потери родителей — острая, как нож, резала меня. Её одиночество — липкое, как паутина, удвоило мое. Её отчаяние здесь, в этой ледяной яме, — такое громкое, что затмевало мой собственный страх.

— Прекрати! — зашипела я вслух. — Прекрати, слышишь?!

Но внутри меня кто-то всхлипнул. Тоненько, жалобно. Она всхлипнула. Мила. Девчонка, чье тело я заняла, чью жизнь я украла.

Она была здесь. Со мной.

— О, Великая Верховная... — выдохнула я, опускаясь на холодный камень. — Что же ты наделала, Белинда...

Я планировала идеальное преступление. Вселиться, сбежать от ковена, своих сестер, раствориться в нашем мире, где меня никто не знает под таким личиком. Я решилась на пакостный поступок, решила наконец-таки повзрослеть. Отплатить своей темной стороне, которая прожила за меня все эти сто лет, пока я томила в башне под присмотром духов и заключенная ни за что. За то, что просто полюбила. А оказалась снова в ловушке. Двое в одном теле. С девчонкой, чья магия, кажется, сильнее моей. И которая... которая сейчас плачет внутри меня, и от этих слез у меня самой щиплет глаза.

— Не смей, — прошипела я, вытирая мокрые щеки. — Не смей плакать моими глазами! То есть своими. А не важно...

Я буквально завывала ввысь. Но эта Мила меня не слушала. Или не могла. Она была в шоке, в панике, и её эмоции захлестывали меня с головой, как те самые помои, которые, судя по запаху, здесь регулярно льют на пленников.

Сверху послышались шаги.

Я замерла, вжавшись в стену. Сердце (её сердце, моё сердце — теперь одно на двоих) застучало так, что, кажется, его стук было слышно во всем подземелье.

Голоса. Приглушенные, но я разобрала слова.

— ...сама явилась, дура. Думала, не узнают?
 — Тише ты, услышат. Говорят, принц отправился в другой мир за ней. Когда узнал, что задумала ведьма... кстати, Пожирательница Снов, говорят, даже сквозь стены слышит.
 — Пожирательница? Эта сопля? Да ей лет двадцать, не больше.
 — Магия не спрашивает возраст. Принц Ксев велел глаз с неё не спускать. Он-то знает, на что эта ведьма способна. Его мать... того... Сэр Эдриан. Драконы такого не прощают.
 — Тсс! Язык прикуси. Не место таким разговорам.

Шаги стихли.

А я замерла, прижав ладонь ко рту.

Ксев.

Принц Ксев.

Сводный брат Дэриана. Тот самый, чью мать, по слухам, уничтожила ведьма с Запада. То есть я, о, Великая Верховная! Та самая история, которую я слышала обрывками от Редиски, когда крысеныш приносил мне новости. Ковен обвинили в смерти этой женщины. В отместку драконы сожгли и заморозили половину наших.

И теперь я здесь. В темнице этого принца. И он, судя по всему, решил, что я — та самая ведьма, что погубила его семью. А я... Вот же, я дура.

— Прекрасно, — прошептала я в темноту. — Просто прекрасно. Идиотка! Ослица!

Внутри снова всхлипнула Мила. В её голове мелькнул образ — мужчина с зелёными глазами из кофейни. Только теперь эти глаза смотрели холодно, с ненавистью, и я поняла, что это не Макс/Марк. Это был он. Ксев. Она видела его — мельком, не осознавая — в том мужчине была лишь тень его истинной сущности.

— Ты с ним встречалась? — мысленно спросила я её. — Ты что, с принцем флиртовала, дура?!

Ответа не было. Только новый всплеск боли и растерянности.

Я откинула голову назад, ударившись затылком о холодный камень. Боль отрезвила.

Итак. Я Белинда, какая-никакая, но ведьма, как называли мое темную сторону — Пожирательница Снов, заточена в теле двадцати трёхлетней девчонки из другого мира. Эта девчонка, судя по всему, обладает дикой магией эмоций, которую я не могу контролировать. Она внутри меня и, кажется, не собирается исчезать. А снаружи меня ждет принц, который ненавидит меня ещё до того, как я успела открыть рот, потому что уверен — я убила его мать и сделала еще кучу недостойных поступков, за которые меня вскоре казнят.

— Великая Мать, — выдохнула я. — Ты решила надо мной посмеяться?

В углу зашевелилось что-то маленькое. Я вздрогнула, вглядываясь в темноту. Два красных глаза уставились на меня в ответ.

Крыса. Моя крыса Редиска. Она сидела на камнях, трясая головой, и смотрела с укором.

— Редисочка, прости, у нас ничего не получилось, маленькая. Зато ты пришла. Давай спою колыбельную, — прошептала я, протягивая руку.

Крыса подбежала, вскарабкалась на колени и свернулась клубочком. Её тепло было единственным, что удерживало меня от того, чтобы завывать в голос.

Где-то наверху заскрежетал засов. Свет ударил в глаза, заставив зажмуриться.

— Эй, ведьма! — рявкнул грубый голос. — Выходи! Принц зовет.

Я поднялась на дрожащих ногах. Мила внутри меня сжалась в комок от страха. Её страх передался мне, и я едва удержалась, чтобы не заскулить.

Вместо этого я расправила плечи. Я Белинда. Ни за что не сломаюсь под взглядом каких-то там зеленых глаз.

— Иду уже, — сказала я тихо. — Редисочка, подожди меня, маленькая.

И шагнула в свет, выступивший из открытой двери моей ямы.

 Приглашаю вас в захватывающие истории моих коллег-авторов!

 Аля Мян
 Поцелуй обреченной королевы
 ЧИТАТЬ: <https://litnet.com/shrt/0FwT>

 Кристина Шефер
 Белка для злодея
 ЧИТАТЬ: <https://litnet.com/shrt/z1rR>

Глава 2. Ледяная клетка и язвительный принц

Если бы кто-то спросил меня, каково это — быть ведьмой в теле наивной попаданки, которую тащат на допрос к принцу, уверенному в твоей виновности, я бы ответила: «Примерно как проснуться с похмелья после собственных поминок». Только хуже. Потому что на похоронах хотя бы знаешь, за что пьешь.

Меня вели по бесконечным каменным коридорам, и с каждым шагом внутренности Милы сжимались все сильнее. Её страх передавался мне такими мощными волнами, что я едва держалась на ногах. И ладно бы просто страх — это я переживу. Но вместе с ним шли картинки. Обрывки ее воспоминаний, которые всплывали в самый неподходящий момент.

Вот она в кофейне. Напротив сидит мужчина. Зеленые глаза, легкая небритость, ямочка на подбородке. Он улыбается ей, и у неё внутри порхают бабочки. Она думает: «Какой красивый. Интересно, он свободен?»

А я теперь знаю, что это был Ксев. Принц-бастард, мастер иллюзий, человек, который, судя по слухам, лично вырезал половину моего ковена на Западных землях. И он сидел напротив этой дурочки, строил ей глазки, а она, наивная дура, даже не почувствовала ни капли магии.

— Идиотка, — прошипела я сквозь зубы.

— Ты это мне? — раздался голос сзади.

Конвоир ткнул меня в спину древком копья.

— Не разговаривать. Шевелись, мразь.

Я замолчала и продолжила мысленный диалог с той, кто сейчас тихо плакал где-то в глубине нашего общего сознания.

«Ты понимаешь, что натворила? Ты флиртовала с инквизитором! С тем, кто охотится на таких, как я! Ну, как я... в смысле, на таких, кем меня считают!»

Ответа не было. Только новый всплеск паники и обиды. Мол, я не знала, я думала, он просто симпатичный парень, у меня вообще мужиков давно не было, а тут такое...

«О, ради Великой Матери, заткнись», — мысленно простонала я. — «Твоя личная жизнь сейчас — последнее, что меня волнует».

Мы остановились перед массивной дубовой дверью, обитой железными полосами. На них были выгравированы руны — древние, защитные, отводящие магию. Я почувствовала, как моя (точнее, её) сила дернулась и спряталась поглубже, словно улитка в раковину.

— Принц Ксев ждет, — конвоир толкнул дверь.

Я вошла.

Комната оказалась не тронным залом и не пыточной, как я ожидала. Это был кабинет. Обычный, даже почти уютный, если не считать, что уют в таких местах обычно намекает на то, что хозяин проводит здесь слишком много времени. Стены заставлены стеллажами со свитками. На столе — горы бумаг, чернильница, пара пустых бокалов и тарелка с недоеденным яблоком. В камине потрескивал огонь, отбрасывая теплые тени на каменный пол.

И у окна, спиной ко мне, стоял ОН.

Я сразу узнала этот силуэт. Широкие плечи, которые даже под дорожным камзолом угадывались как нечто внушительное и опасное. Белые (стоп, у него же темные волосы, или я ошиблась после подземелья) волосы, собранные в небрежный хвост. И эта манера стоять — расслабленно, но с такой внутренней готовностью к прыжку, что даже я, несчастная ведьма, поежилась.

Принц обернулся. И вот тут случилось странное.

Мила внутри меня дернулась так, будто её ударило током. Её сердце (наше общее сердце) пропустило удар, а потом застучало как бешеное. Потому что перед нами стоял он — тот самый

мужчина из кофейни. Только, и правда, с белыми длинными волосами. Тот, с кем она флиртовала, думая, что это её шанс наконец-то выбраться из череды неудачных свиданий и офисного одиночества.

Но сейчас он выглядел иначе.

Исчезла легкая небритость, сменившись аккуратной, но явно не свежей щетиной. Пропала улыбка, которая тогда, в кофейне, казалась такой обаятельной. Вместо неё — тонкая, жесткая линия губ. А глаза... Боже, эти глаза.

Зеленые. Те же самые, в которые Мила мечтала нырнуть. Но сейчас в них не было ни тепла, ни флирта. Только холодная, вечная и колючая пустота. И голод. Не тот, с которым смотрят на женщину. Тот, с которым смотрят на добычу, которую давно выслеживали и наконец-то загнали в угол.

И ещё кое-что. То, чего Мила не могла заметить, но что я, ведьма, увидела сразу. Вокруг него висела аура. Не магическая защита, нет. Что-то другое. Серая, тягучая и вязкая пелена — следы постоянного контакта с темной магией. Она въелась в него, как запах дыма въедается в одежду кузнеца. Этот человек не просто охотился на ведьм. Он сам был частью этого мира, этой тьмы, и она оставила на нем свои отметины.

— Ну здравствуй, Белинда, — произнес Ксев, и его голос — тот самый, который в кофейне звучал так бархатисто, когда он заказывал капучино — теперь резанул по нервам, как лезвие. — Или мне называть тебя Милой? Какую из своих личин ты предпочитаешь сегодня?

Я слотнула. Мила внутри забилась в истерике.

— Я... — начала я, но голос сорвался.

Он шагнул ко мне. Один шаг. Всего один. Но пространство между нами словно схлопнулось, и я почувствовала себя бабочкой под лупой, в которую сейчас воткнут иглу.

— Знаешь, в чем твоя ошибка, Пожирательница Снов? — спросил Ксев, останавливаясь в полуметре. — Ты слишком привыкла к своим играм. Думала, спрячешься в теле наивной дурочки, и никто не заметит? Что я не почувствую твою вонь за милую?

— Я не она, — выпалила я, и это прозвучало жалко даже для моих ушей. — Я не та Белинда, которую ты ищешь. Я... другая.

Он рассмеялся. Коротко, без тени веселья.

— Другая? — переспросил Ксев, и в его голосе зазвенела неприкрытая боль. — И сколько же вас там, в ковене? В твоём проклятом ковене? А, мразь? Десяток? Сотня? Вы все одинаковые. Одинаково лжете, одинаково убиваете, одинаково смотрите на меня этими невинными глазами, когда вас прижимают к стене.

Принц вдруг резко шагнул вперед и схватил меня за подбородок. Больно! Его пальцы — горячие, сильные, с мозолями от меча — впились в кожу, заставляя поднять лицо и смотреть прямо на него.

— Я знаю, на что ты способна, ведьма, — прошипел он, глядя мне прямо в глаза. Так близко, что я видела каждую крапинку в его зрачках. — Я видел, что ты сделала с моей матерью. Видел, как она умирала, медленно, в мучениях, потому что ты решила, что ей не место в этом мире. Простая женщина. Из борделя. Которая посмела родить дракону бастарда.

Мила внутри меня замерла. Её ужас смешался с моим, и я почувствовала, как по щеке скатывается слеза. Моя? Её? Общая, наверное.

— Я не убивала твою маму, — сказала я, и в моем голосе вдруг прорезалась та самая сила, которой я не чувствовала с момента вселения. Не магия. Просто отчаяние, ставшее зовом. — Я даже не знаю, кто это сделал. Меня заперли в башне сто лет. Сто лет, слышишь? Я не выходила оттуда с тех пор, как...

Я осеклась. Потому что не могла сказать правду. Не могла объяснить, что та, другая темная Белинда, та, что творила все эти ужасы — она отделилась от меня. Что я — только поло-

вина. Слабая, добрая, никчемная половина, которая все эти годы только и делала, что разговаривала с крысой и мечтала о свободе.

— Сто лет? — переспросил Ксев, и в его глазах мелькнул вопрос. Но тут же погас, сменившись прежней холодностью. — Красивая сказка. А Эдриан? Его ты тоже не убивала? Моего друга, мою правую руку, который просто выполнял приказ и наткнулся на твою ловушку в Западных землях?

Я быстро замотала головой, пытаюсь вырваться из его хватки.

— Я не знаю никакого Эдриана! Вообще не знаю, что там происходило! Я...

— Хватит! — зло рявкнул Ксев, отпуская меня так резко, что я пошатнулась и чуть не упала. — Мне надоела твоя ложь, девка. Ты будешь сидеть здесь, в этой ледяной клетке, пока не скажешь правду. Пока не признаешься во всем, что сделала. А потом... — он усмехнулся, и в этой усмешке было столько выжженной тьмы, что у меня заныло в груди. — А потом я лично прослежу, чтобы ты получила по заслугам. Найду способ сделать так, чтобы ты вечно горела в моем драконьем огне. Буду жарить тебя каждый день! На медленном, проклятом огне, ведьма.

Он развернулся и пошел к двери.

И в этот момент случилось то, чего никто из нас не ожидал.

Мила внутри меня, движимая каким-то отчаянным, дурацким инстинктом, вытолкнула мою руку вперед. Я схватила Ксева за край плаща.

Он замер. Обернулся. И в его глазах мелькнуло нечто, от чего у меня перехватило дыхание. Не гнев. Не ненависть. А... боль. Такая глубокая, старая, въевшаяся, что она была страшнее любой ярости.

— Не смей ко мне прикасаться, мразь, — тихо сказал он. — Никогда.

И тут нас накрыло.

Это было похоже на удар молнии. На разряд, который прошиб нас обоих насквозь, соединяя невидимыми нитями. Я почувствовала его. Буквально. Его боль — острую, как заноза под ногтем, въевшуюся так глубоко, что он, кажется, уже не помнил, каково это — жить без неё. Его одиночество — не такое, как у Милы, заполненное тоской по родителям и неудачными свиданиями, а выжженное, пустынное, где была какая-то потерянная любовь к маме или женщине, непонимание брата и отца, бравада и юмор, за которыми он скрывал всю свою боль. И его голод — не физический, а душевный. Голод по чему-то настоящему, по теплу, по тому, чтобы кто-то посмотрел на него не как на бастарда, не как на палача, не как на орудие мести, а просто... как на человека. На мужчину.

А он в этот же момент почувствовал меня. Всю меня. Мою трусость, мою слабость, мою тоску по той свободе, которой у меня никогда не было. Мою крысу Редиску, которая стала мне единственным другом за сто лет. И Милу — её панику, её нелепые мечты о любви, её дурацкие попытки найти счастье в мире, где даже кофе бывает горьким настолько, что набивает оскомину во рту.

Это длилось мгновение. Может, чуть дольше. А потом нас разорвало. Раскидало буквально в разные стороны магической волной.

Ксев отшатнулся так, словно его ударили. Его лицо побелело, на лбу выступила испарина. Он смотрел на меня с таким выражением, с таким ощущением, что меня пронзило осознание, что принц увидел рядом с собой какой-то ужасный призрак, явившийся напрямую из его кошмаров.

— Что... что это было? — выдохнул Ксев.

Я не могла ответить. Сама едва стояла на ногах. В висках стучало, перед глазами плыло, а в груди всё ещё пульсировало эхо его боли.

— Связь, — прошептала я, и это слово сорвалось с губ прежде, чем я успела его остановить. — Истинная связь.

Принц замер. Его глаза расширились, а потом в них вспыхнуло такое, от чего мне захотелось провалиться сквозь землю. Ненависть. Чистая, концентрированная, смертельно опасная ненависть дракона.

— Нет, — отрезал он. — Этого не может быть. Ты — ведьма. Убийца. А я...

— Ты бастард, рожденный от дракона и женщины из борделя, — закончила я за него, потому что его мысли вдруг стали почти слышимыми. — Тот, кого никогда не принимали всерьез. Запасной. Ненужный. И теперь судьба связала тебя с той, кого ты ненавидишь больше всего на свете.

Он сжал кулаки так, что побелели костяшки.

— Заткнись!

— Это не я придумала, — ответила я, и в моем голосе вдруг прорезалась горечь. — Это магия. Она не спрашивает, хотим мы этого или нет. Она просто... случается. И теперь, что бы ты ни делал, будешь чувствовать меня, принц. Мою боль. Мой страх. Мою... правду. И рано или поздно ты поймешь, что я не та, за кого ты меня принимаешь.

Он стоял, тяжело дыша, и в его глазах бушевала буря. Я видела, как он борется с собой. Как его ненависть сталкивается с тем, что он только что почувствовал. Потому что эту связь невозможно подделать. Невозможно придумать. Она обнажает всё — даже то, что мы годами прячем от самих себя.

— Уведите её, — наконец выдавил Ксев, не глядя на меня. — В ледяную яму. И чтобы ни куска хлеба, ни глотка воды этой дряни не давали, пока я не скажу.

Конвоиры схватили меня под руки и потащили к двери. На пороге я обернулась.

Ксев стоял у окна, спиной ко мне, и его плечи напряглись так, будто он держал на них невидимую тяжёлую ношу. В свете камина его белые волосы отливали лунным светом — светом горя и ненависти. И я вдруг поняла то, чего не понимала раньше.

Этот человек не просто ненавидит меня. Он ненавидит себя за то, что почувствовал ко мне эту проклятую связь. За то, что не может просто убить и забыть. За то, что я — зеркало, в котором он видит всё то, что так старательно прятал за маской холодного инквизитора и запасного принца.

Дверь захлопнулась, отрезая меня от этого зрелища. А в груди всё ещё пульсировало эхо его боли — совершенно чужой, выжженной, такой жуткой, но теперь почему-то и моей тоже.

— Великая Мать, — прошептала я в темноту коридора. — Что же ты наделала?

И внутри меня тихо всхлипнула Мила. Впервые за всё время — не от страха, а от сочувствия. Потому что даже она, наивная девочка из другого мира, поняла: мы вляпались в историю, из которой нет простого выхода. И этот красивый, язвительный, смертельно опасный принц теперь — часть нас. Хотим мы того или нет.

Крыса Редиска ждала меня в камере. Она сидела на камнях, поджав лапки, и смотрела с таким укором, будто говорила: «Ну что, доигралась, дура старая?»

Я опустилась на холодный пол, прижалась спиной к стене и закрыла глаза. Внутри всё болело. Моя магия не отзывалась. Магия Милы пульсировала в такт сердцебиению, напоминая, что я здесь не одна. А где-то там, наверху, в теплом кабинете, стоял у окна мужчина с зелеными глазами и пытался не сойти с ума от того, что только что с ним случилось.

— Знаешь, Редиска, — прошептала я, глядя крысу по спинке. — Кажется, мы влипли похлеще, чем я думала. Этот принц... он не просто палач. Он — жертва. И теперь мы связаны. По-настоящему. И я понятия не имею, что с этим делать.

Крыса пискнула и ткнулась носом в мою ладонь.

— Ладно, — вздохнула я. — Будем разбираться по ходу. Как всегда. Только теперь — на двоих. Или даже на троих, если считать эту дурочку Милу.

Где-то наверху завывл ветер. А я сидела в ледяной яме, воняла помоями, и впервые за сто лет чувствовала, что моя история только начинается. Самая странная, самая безумная и самая опасная глава моей долгой, никчемной жизни.

♥♥♥♥♥♥
 Приглашаю вас в новый истории литмоба «Злодейки тоже любят»
♥
 Мария Доброхотова
 Проклятая королева. История злодейки
 ЧИТАТЬ ЗДЕСЬ: <https://litnet.com/shrt/kkgl>

 ♥
 Натали Лисс
 Повелительница ведьм
 ЧИТАТЬ ЗДЕСЬ: <https://litnet.com/shrt/Qo3C>

Глава 3. Тени прошлого и первая ночь в цепях

После очередного допроса ледяная яма встретила меня знакомым запахом сырости и собственного отчаяния. Конвоиры не церемонились — швырнули на каменный пол так, что я больно ударилась коленом, и захлопнули люк, оставив в крошечной темноте.

Я сидела, прижимая к себе Редиску, и пыталась отдышаться. Внутри всё дрожало — то ли от холода, то ли от того, что случилось наверху. Эта связь... снова она пульсировала где-то в груди, как второй пульс, чужой и болезненный. Я чувствовала его. Ксева. Его ярость, его смятение, его попытки заблокировать то, что невозможно уничтожить.

«Зачем ты его трогала? Ну, Белинда, зачем?» — вдруг раздалось в голове.

Я вздрогнула. Голос был не мой. Тоненький, испуганный, с нотками истерики.

«Ты же сама вскинула мою руку, дура.» — мысленно огрызнулась я.

«Ничего я не делала. Это всё ты. И ты в моем теле, ведьма проклятая, и я всё это вижу и чувствую, и схожу с ума!»

Она была здесь. Реальная. Не просто эхо, а живая, мыслящая, паникующая девушка.

«О, Великая Мать, — простонала я. — Только этого не хватало. Две бабы в одном теле не могут договориться. Как это пережить?».

«Что ты сделала с моей жизнью? — зарыдала она. — Я просто хотела... просто хотела... ну, может, перепихнуться с симпатичным парнем, чтобы разбавить серые будни! А теперь я в темнице, воняю помоями, и этот психопат с зелеными глазами смотрит на меня так, будто я лично убила его котенка!»

«Во-первых, не котенка, а мать и лучшего друга. Во-вторых, заткнись, дай подумать».

Но думать не получалось. Потому что в этот момент на меня обрушилось ОНО.

Видения.

Они пришли не из моей памяти. Из её. Из той, другой Белинды. Той, что отделилась от меня сто лет назад и творила всё то, за что меня теперь ненавидели.

Я увидела ритуал.

Круг из черных свечей. Запах крови, ящериц, тритонов и горькой полыни. И тела. Много тел. Люди — нет, не люди, маги, ведьмы и колдуны — лежали вокруг, и их лица были искажены предсмертной мукой. А в центре круга стояла ОНА. Моя темная половина. Красивая (наколдовала себе ж нормальное тело, дрянь), страшная в своей магической силе, с глазами, горящими алым светом.

Она произносила слова на древнем языке, и с каждым словом из тел вырывались серебристые нити — их сила, их жизнь, их магия. Они втягивались в неё, и она росла, наполнялась мощью, а вокруг неё танцевали тени.

«Нет, — закричала я мысленно. — Нет, я не хочу это видеть! Только не это»

Но видения не слушались.

Теперь я была в другом месте. Лес. Костер. И женщина. Молодая, красивая, с темными волосами и зелеными глазами. Те же глаза, что у Ксева. Его мать.

Она стояла на коленях, связанная, и смотрела на мою темную половину с такой ненавистью, что даже мне, наблюдавшей со стороны, стало страшно.

— Ты родила дракону бастарда, — произнесла та, другая Белинда, и в её голосе не было ни капли жалости. — Ты нарушила баланс, к которому мы идем. Ты заслужила смерть. И твой ублюдок тоже.

Женщина закричала. И крик этот длился вечно.

Я вынырнула из видения, хватая ртом воздух. Редиска испуганно пищала, тычась мордочкой в мою руку. Всё тело трясло, по щекам текли слезы, и я не могла понять — мои они или Милы.

«Что это было, Белиндочка?» — прошептала Мила внутри меня, и в её голосе не осталось истерики. Только ужас.

«Память. Её память. Той, другой. Той, что отделилась от меня».

«Где она сейчас?»

Я замерла. Потому что не знала ответа.

В момент переселения, когда я рванула сквозь разрыв в теле Милы, что-то пошло не так. Я чувствовала её — ту, другую. Она была рядом. Сопrotивлялась. Пыталась меня остановить. А потом... пустота. Словно её выдернули из пространства.

«Она не здесь, — медленно проговорила я, осознавая страшную мысль. — Она не вошла в твоё тело. Я вошла одна. Она... она осталась там. Или провалилась куда-то ещё».

«То есть где-то бродит твоя злая половинка, которая убивает людей, и никто не знает, где она и что задумала?»

«Примерно так».

Мила внутри меня издала звук, похожий на сдавленное рыдание.

«Я хочу домой».

«Я тоже, девочка. Я тоже. Хотя даже не знаю, где мой дом».

Ночь тянулась бесконечно. Холод пробирал до костей, несмотря на то, что я прижимала к себе Редиску и пыталась согреться собственным дыханием. Мила то проваливалась в какое-то подобие сна, то снова выныривала, и тогда я чувствовала её отчаяние так остро, что хотелось выть.

А потом люк открылся.

Свет факела ударил в глаза, заставив зажмуриться. А когда я проморгалась, он уже стоял наверху лестницы.

Ксев.

Без камзола, в одной темной рубашке, расстегнутой у ворота. Белые распущенные волосы красиво спадали на плечи. В руке — факел, отбрасывающий дикие тени на каменные стены. И глаза... О, Великая Мать, эти глаза. В них не было ни ярости, ни ненависти. Было что-то хуже. Голод. Темный, первородный, неконтролируемый, мужской.

Он спустился. Медленно, шаг за шагом, не сводя с меня взгляда. Каждый его шаг отдавался у меня в груди — связь пульсировала, нарастала, заполняла всё пространство между нами.

— Дрянь, — сказал он, останавливаясь в шаге. — Что ты со мной сделала?

Его голос был хриплым, сдавленным, будто он только что бежал или... или боролся с чем-то внутри себя.

— Я ничего не делала, — ответила я, и мой голос прозвучал жалко даже для меня. — Это магия. Истинная связь. Она не спрашивает разрешения.

— Заткнись сейчас же!

Он не прикасался ко мне. Ксев просто стоял рядом, но его присутствие давило физически. Я чувствовала жар его тела, слышала его дыхание, и от этого у меня подкашивались ноги.

— Я не могу тебя убить, — произнес он, и в его голосе звучала такая мука, что у меня сжалось сердце. — Пытался. Не могу. Каждый раз, когда поднимаю руку, чувствую твою боль. Твой страх. И это... это сводит с ума.

— Тогда не убивай, — прошептала я. — Просто...

— Просто что?

Принц шагнул ближе. Так близко, что я ощущала его дыхание на своем лице. Связь взорвалась фейерверком — я почувствовала всё. Его желание. Такое острое, болезненное, что у меня перехватило дыхание. И его ненависть к этому желанию. И отчаяние. И голод. Такой сильный, что он затмевал всё остальное.

— Ты даже не представляешь, ведьма, — прошептал он, — как я тебя ненавижу.

А потом мир перевернулся.

Я стояла на коленях.

Холодный камень под ногами. Темнота. И принц передо мной.

Ксев возвышался надо мной, как статуя темного идола. В его глазах горел тот самый голод — теперь уже не скрытый, а хищный, беспощадный. Его рука лежала на моем затылке, пальцы сжимали волосы, заставляя высоко запрокинуть голову.

— Работай языком, ведьма, — произнес он, и его голос звучал как приговор. — Так. Глубже. Ещё. Пройдись своим поганым языком вдоль. Обхвати губами. Да!

Я не могла сопротивляться. Не потому, что он держал меня силой. А потому что внутри меня, в самой глубине, что-то откликалось на его приказ. Что-то тёмное, запретное, то, о существовании чего я даже не подозревала.

Я брала его в рот — медленно, послушно, чувствуя, как его пальцы жестко сжимаются в моих волосах, направляя, заставляя двигаться в нужном ритме. Он был горячим, солоноватым, и от этого вкуса у меня кружилась голова.

— Глупая, — выдохнул он сверху. — Так не надо. Неужели ведьма не знает, как доставлять удовольствие. Вы же спите со всеми подряд. Смотри на меня, дрянь.
Я подняла глаза. Встретила его взгляд. И в этом взгляде не было ничего человеческого. Только тьма. Только драконий, всепоглощающий голод. Только власть.

А потом случилось странное.

Мои руки, словно живя собственной жизнью, потянулись к нему. Обхватили его бедра, погладили, притягивая ближе. Я целовала его — не так, как он приказывал, а по-своему. Медленно, нежно, проводя языком по всей длине ствола, задерживаясь на чувствительных местах.

Ксев замер. Его дыхание сбилось.

— Что ты...

Но я не дала ему договорить. Я взяла его еще глубже, почти до самого горла, и одновременно провела рукой по его животу, царапнула кончиками ногтей по груди, чувствуя, как под ними дрожит каждая мышца.

— Пожалуйста, — прошептала я, отрываясь на секунду. — Будь со мной ласковым. Пожалуйста.

И Ксев сломался.

Его руки, которые секунду назад держали меня с жестокостью палача, вдруг стали другими. Он опустился на колени рядом со мной, прижался лбом к моему лбу, и я увидела в его глазах не тьму, а бездну. Такую глубокую, такую страшную, что у меня перехватило дыхание.

— Я не могу, — прошептал он. — Я...хотел выбрать другую. Но сейчас я уже ничего не чувствую. Отдал её, она не принадлежит мне. Потому что я бастард, никто, пустое место, тот, кто дал им шанс. Я заслужил смерть, ведьма. Понимаешь?

— Нет. Ты для меня всё. Весь мой мир, — ответила я, и в этот момент не было ни ведьм, ни инквизиторов, ни драконов, ни ненависти, ни прошлого. Были только мы. Двое. В темноте.

Я потянулась к его губам. Поцеловала. Медленно, осторожно, как целуют первый раз, украдкой, боясь спугнуть. Ксев замер, не отвечая, но и не отталкивая. А потом, через вечность, его руки обхватили меня, прижимая к себе так сильно, что я почувствовала как мои рёбра сжались и сердце стало биться раненой птицей всё сильнее и сильнее под давлением принца.

Мы падали. Вдвоем. В эту бездну. И в падении не было страха. Было только...

...пробуждение.

Резкое, как удар хлыстом.

Я сидела на холодном полу своей камеры, прижимая к себе Редиску, и всё тело горело. Нет, не горело — пылало. Между ног пульсировало эхо несуществующего удовольствия, губы саднило, будто я и правда... А в груди билась чужая боль. Его боль.

«Что это было?» — закричала Мила внутри меня, и в её голосе звучала такая же смесь ужаса и возбуждения, что и во мне.

«Сон. Общий сон. Проклятая связь... она и это умеет».

Наверху, в замке, в своих покоях, Ксев проснулся в тот же миг. Сел на краю кровати, тяжело дыша, и смотрел на свои руки. Те самые, что во сне гладили ненавистную ведьму, прижимали к себе, а не душили. Те самые, что дрожали, когда я целовала его.

— Тварь, — прошептал он в темноту. — Проклятая ведьма. Что ты со мной делаешь?

А в груди всё ещё пульсировало эхо моих прикосновений. Моего шепота: «Будь со мной ласковым». Тепло моих губ на его коже.

Он ненавидел меня. Сильнее, чем час назад. Сильнее, чем вчера. Потому что теперь в эту ненависть примешалось что-то ещё. Что-то, от чего хотелось выть. Что-то, что делало его слабым. Уязвимым. Человечным. Тем, кто может простить ведьму.

А я сидела в ледяной яме, обнимала крысу и чувствовала, как по щекам текут слезы. Стыда? Желания? Отчаяния? Я не знала. Знала только одно: эта связь убьет нас обоих. Или сведет с ума. Или... или сделает что-то, о чем страшно даже думать.

«Он другой, — вдруг тихо сказала Мила. — Внутри. Там, глубоко. Он не монстр. Он просто...не может принять и простить тебя...нас».

«Я знаю, девочка. Я чувствую. Все чувствую».

«И что нам делать, Белинда?»

Я посмотрела в темноту. Где-то там, наверху, в огромной постели, лежал мужчина с зелеными глазами и ненавидел себя за то, что хотел меня до безумия. А я сидела здесь, в холоде, и ненавидела себя за то, что хотела его до физической дрожи.

— Понятия не имею, — прошептала я вслух. — Понятия не имею, Мила. Но, кажется, это только начало нашей битвы и нам ещё долго до перемирия. Или победы любой стороны.

Редиска пискнула и ткнулась носом, пощекотала своими усиками мне руку. Сквозь решетку наверху луна тускло освещала моё пристанище. Сегодня люк не закрыли. Знак? Ксев меняет гнев на милость. Или это новое испытание? А я закрыла глаза и попыталась не думать о том, как пахнет его кожа и какие у него губы на вкус. Бесполезно. Потому что связь не спрашивает разрешения. Она просто есть. И теперь она будет с нами всегда. До смерти одного из нас.

Дорогие читатели, приглашаю вас в новинки литмоба «Злодейки тоже любят»

Сильвия Лим
Не желаете ли новый мир на сдачу
<https://litnet.com/shrt/YVsq>

♥
Мария Лео
Развод злодейки
<https://litnet.com/shrt/bhhe>

Глава 4. Испытание болью

Три дня. Или три недели. Или три года — я потеряла счет времени в этой ледяной дыре, где единственным развлечением были мыслительные перепалки с Милой и визиты Редиски, которая приносила крошки, украденные где-то на кухне, и отрывочные слухи, распространенные ленивыми слугами.

— Я никогда не думала, что буду скучать по офисным будням и Галке из бухгалтерии, — ныла Мила в моей голове. — Она вечно питюкала над 1С. Зато с ней было весело пить кофе. И ещё там был кондиционер. И нормальная еда. А тут... ты же ведьма, ну сделай что-нибудь! Наколдуй в конце концов!

— Я ведьма без магии, — огрызалась я. — И если ты не заметила, нас заперли в каменном мешке, где даже стены не пробить. Здесь везде защита драконьего уровня. Что ты хочешь, чтобы я сделала? Превратила Ксева в тыкву?

— Ну или соблазни его! В моём теле я хоть бы попыталась это сделать!

— Попыталась. Не вышло. Заткнись и дай поспать.

— Я не могу спать, потому что даже мысленно замерзаю! И еще этот твой принц снится каждую ночь... такие сны, что просыпаюсь вся мокрая и злая.

Я промолчала. Потому что про сны она была права. Каждую ночь мы проваливались в одно и то же — темнота, его руки, его губы, его тело, и грань между кошмаром и жгучим желанием стиралась настолько, что утром я не знала, ненавидеть его или хотеть. Или и то, и другое сразу.

На четвертую ночь (или пятую? я сбилась) люк открылся снова.

Он стоял наверху лестницы, и в этот раз в его руках был не факел, а что-то другое. Маленькое, изогнутое, поблескивающее в свете. Кинжал. Но не простой — я почувствовала его магию даже отсюда. Темную, тягучую, созданную для одного — для боли.

— Поднимайся, дрянь, — приказал Ксев.

Я поднялась. Ноги дрожали от холода и слабости, но я заставила себя идти. Редиска пискнула и спряталась в углу.

Лестница казалась бесконечной. Каждая ступень отдавалась в висках пульсирующей болью. Когда я наконец выбралась наверх, он уже ждал в маленькой каморке — что-то вроде предбанника перед пыточными. Стол, пара стульев, на стене — факел, отбрасывающий дрожащие тени.

— Садись сюда, — кивнул он на стул.

Я села. Он остался стоять, нависая надо мной, и в его зеленых глазах не было ничего, кроме отстраненной решимости.

— Я устал от твоих сказок, ведьма, — произнес он, вертя кинжал в руках. — Устал от этих снов, от этой связи, от того, что каждый раз, когда я смотрю на тебя, чувствую...какая ты мокрая. Тьфу! — Внезапно Ксев осекся, сжал челюсти. — Короче, я решил проверить, говоришь ли ты правду. Есть простой способ. Этот кинжал зачарован на правду. Он причиняет боль, но чем сильнее боль, тем ближе жертва к истине. В момент агонии люди не могут лгать.

— И ты собрался меня пытаться? — спросила я, и мой голос прозвучал на удивление спокойно.

— Я собрался узнать правду, — поправил он. — Если ты не та Белинда, если ты не мерзкая убийца, только боль подтвердит твои слова. Если ты лжешь — ты просто сдохнешь. Меня устраивает любой исход.

— Тебя не устраивает, — возразила я, глядя ему прямо в глаза. — Потому что если я умру, ты почувствуешь мою смерть. Твой дракон взревет и потребует покоя. До последнего вздоха ты будешь думать обо мне. Всегда. И это останется с тобой на всю твою жизнь.

Принц замер. На секунду в его глазах мелькнуло что-то похожее на страх. Но тут же исчезло, сменившись прежней решимостью. Он сплюнул на пол и процедил сквозь зубы:

— Посмотрим, Белинда.

Ксев шагнул ко мне, взял мою руку и, прежде чем я успела дернуться, полоснул кинжалом по запястью.

Боль вспыхнула такая, что я закричала.

Нет, не так. Я заорала. Завыла. Потому что это была не просто боль от пореза. Это была магия, впрыснутая прямо в кровь, разъедающая изнутри, разрывающая все мое тело. Мир померк, осталось только это — огонь, лед, миллион игл под кожей.

А потом я почувствовала ЕГО.

Ксев рухнул на колени рядом со мной. Его лицо исказилось такой же мукой, его рука схватилась за запястье — то самое место, где он порезал меня. На его коже проступила такая же рана. Кровь — его кровь — потекла по пальцам.

— Что... — прохрипел он, глядя на свою руку с ужасом. — Что это?

— Связь, дурной, — выдохнула я сквозь зубы. — Твоя боль — моя боль. Моя боль — твоя. Ты думал, связь истинных только приятные ощущения, принц?

Он зарывал, пытаясь встать, но ноги не держали. Мы оба корчились на каменном полу, и боль разрывала нас на части, смешиваясь в одно чудовищное целое.

И тогда это началось.

Слова полились из меня сами — неконтролируемо, как вода из прорванной плотины. Я не могла их остановить. Магия кинжала выворачивала меня наизнанку, заставляя говорить правду, всю правду, даже ту, что я прятала от самой себя сто лет.

— Мне было двадцать лет! — закричала я, вцепившись в его рубашку. — Двадцать! Я влюбилась! В простого парня, конюха! Я хотела сбежать с ним! А она... Алиенора... моя сестра... она сказала, что это позор для ковена!

Ксев замер, глядя на меня расширенными глазами. Боль не отпускала, но теперь в них было ещё и изумление.

— Она провела ритуал! — рыдала я, не в силах остановиться. — Отделила всё, что считала лишним. Всю мою доброту, всю мою способность любить, всю мою слабость, всю нежность! Вырвала это из меня и заточила в башне! А сильная, злая, правильная половина осталась на свободе и стала делать то, что она хотела! Убивать! Жечь! Питаться чужими снами!

— Постой... — прохрипел Ксев. Его лицо стало белым как мел, но он сжимал мои плечи, пытаясь удержать меня в реальности. — Ты хочешь сказать...

— Я — та самая лишняя часть! — выкрикнула я ему в лицо. — Сто лет в башне! Сто лет с одной крысой! А она, та другая, тварь, что убила твою мать — она на свободе! И сейчас, когда я вселилась в это тело, она... она... я не знаю, где она! Исчезла! Провалилась! Сдохла! Я не знаю...

Завыла так, что кажется оглушила принца. Ксев смотрел на меня так, словно и не понимал, как будто я говорила на древнем языке. В его глазах бушевала буря — недоверие, шок, удивление.

Но магия кинжала не отпускала. Теперь пошли другие картинки, другие слова. Из Милы.

— Ей восемь лет! — закричала я, и голос мой стал чужим, детским. — Мама печет печенье! Кухня в муке! Она смеется! А потом... потом папа ушел! И мама плакала ночами! А Мила зажимала уши подушкой, чтобы не слышать!

— Что за... — выдохнул Ксев.

— Ей шестнадцать! Первая любовь! Мальчик из параллельного класса! Он обещал прийти на свидание и не пришел! Она ждала три часа под дождем! А потом узнала, что он поспорил с друзьями, что сможет её развести на первый раз!

— Откуда ты знаешь? — прошептал он, и в его голосе не осталось ни капли прежней уверенности.

— Ей двадцать три! Она хоронит лучшего друга! Рак, последняя стадия, полгода в больнице! Мила одна! Совсем одна! Никого! Папа и мама погибли по пути на дачу. Остались только кредиты и работа, от которой хочется выть! Она идет в кафе выпить кофе и встретить там хоть кого-то, кто посмотрит на неё как на женщину, а не как на какой-то придаток!

Я захлебывалась словами, слезами, чужой болью, которая теперь стала моей. Мила внутри меня рыдала в голос, и эти рыдания вырывались наружу уже моим ртом.

— А там сидел ты! — закричала я, глядя на Ксева. — Сотворил иллюзию, чтобы поймать темную мою часть. С этими своими зелеными глазами! С ямочкой на подбородке! И она подумала: "Вот оно! Вот шанс!" А ты оказался принцем-инквизитором, который охотится на таких, как я! И теперь мы здесь! И нам больно! Всем троим больно!

Ксев сидел на полу, прижимая меня к себе (когда это случилось? я не заметила), и его руки дрожали, когда он гладил меня по волосам. Боль постепенно отпускала — кинжал, видимо, сделал свое дело, и магия рассеивалась. Но теперь вместо боли пришла слабость. Такая, что я не могла пошевелиться.

— Мне очень больно, принц, — прошептала я, утыкаясь лицом в его грудь. — Очень.

И разрыдалась. По-настоящему. Как не плакала никогда за эти сто лет. Всё, что копилось внутри — страх, одиночество, тоска по несбывшейся любви, по нормальной жизни, по теплу — всё выплеснулось наружу.

Ксев не двигался. Просто сидел, обхватив меня руками, и чувствовал, как бьется мое сердце. Её сердце. Милы. И мое — где-то там, внутри, слившееся с ним в один ритм.

— Я не знаю, — вдруг тихо сказал он. Голос его был хриплым, неожиданно ласковым. — Я не знаю, что теперь думать.

Я подняла на него заплаканное лицо. В его глазах не было ненависти. Только растерянность. Такая глубокая, что она делала его почти... человечным.

— Тогда перестань думать, — прошептала я. — Просто... побудь здесь. Рядом. Пожалуйста. Просто обними меня.

Ксев замер. Я чувствовала, как внутри него борется всё — его прошлое, его ненависть, его долг. И то, что он так старательно прятал даже от себя. Связь истинных пар.

— Ты ведь понимаешь, — сказал он наконец, — что если это правда... если ты действительно не та ведьма... это ничего не меняет. Ты всё равно часть её. И ты здесь. В теле, которое я обязан уничтожить.

— Понимаю, — ответила я, не отводя взгляда. — Но сейчас мне всё равно. Потому что если ты меня убьешь, ты почувствуешь это. Всю жизнь будешь мучаться. И никогда себе не простишь.

Он сжал челюсти со скрипом. Его пальцы на моей спине напряглись.

— Ты слишком самоуверенна, ведьма.

— Я просто знаю правду, — прошептала я. — И ты её тоже теперь знаешь. Хочешь ты того или нет.

Мы сидели так долго. В тишине, нарушаемой только моими всхлипами и его дыханием. Где-то за стеной капала вода. Где-то далеко кричала ночная птица. А здесь, в этой маленькой камерке, двое врагов держали друг друга так, будто это единственное, что спасало от падения в тьму.

— Мне нужно идти, — наконец сказал Ксев, но не пошевелился.

— Нет, — ответила я, но не отпустила его рубашку.

Он усмехнулся — горько, без тени веселья.

— Ты невозможная женщина, Белинда. Или Мила. Или как тебя там.

— Можешь звать меня катастрофой, — предложила я. — Мила называет меня именно так.

Внутри меня уже смеялись. Мила, кажется, начала приходить в себя.

— Катастрофа — это мягко сказано, — проворчала она.

Ксев медленно, очень осторожно, отстранился. Помог мне сесть ровнее, прислонив спину к стене. Его руки — те самые, что минуту назад дрожали от боли — теперь двигались уверенно, но в них появилась какая-то новая осторожность.

— Я пришлю еду. И воду, — сказал он, поднимаясь. — И что-нибудь теплое. Не хватало еще, чтобы ты околела раньше, чем я решу, что с тобой делать.

— Как трогательно, — прошептала я, чувствуя, как силы покидают меня. — Принц заботится о своей пленнице.

— Прямо рыцарский роман, — добавила Мила.

— Заткнись, Белинда, — беззлобно бросил он, но в его голосе не было прежней стали. Только усталость.

Ксев сам отвел меня в яму и ушел. Люк захлопнулся. Я осталась одна, прислонившись к холодной стене, с заплаканным лицом и дрожащими руками. А в груди всё ещё пульсировало тепло его тела. Его рук. Его сердца, забившегося в унисон с моим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.